

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. В. Крюков

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ЭТНОСА

Нынешний этап развития этнографической науки в Китае характеризуется резким возрастанием интереса к ее фундаментальным методологическим аспектам, в том числе к вопросам теории этноса. Некоторые из них были подвергнуты обсуждению в ходе дискуссии, развернувшейся на I Всекитайской этнографической конференции¹ и продолженной затем на страницах научной печати.

Ряд китайских исследователей полагают, что теория этноса представляет собой этнографическую субдисциплину. Чжоу Гуанда, в частности, высказывал точку зрения, согласно которой этнографическая наука должна включать три основных раздела: описательный, исторический и теоретический². По его мнению, есть серьезные основания считать теорию этноса составной частью этнографии: предмет этнографии и теории этноса в основном совпадает; главное внимание как в первом, так и во втором случае должно быть обращено на этносы и этнические отношения современного исторического этапа; исследователь в области теории этноса, подобно этнографу-полевому, не может быть кабинетным ученым и должен располагать данными, полученными из первых рук; в классификации наук, принятой во многих странах, теория этноса давно уже рассматривается как часть этнографии и т. д. Особо подчеркивает Чжоу Гуанда то обстоятельство, что марксистская этнография не может ограничиваться описанием наблюдаемых фактов, она должна не только фиксировать, но и анализировать их, а значит, непременно включать теоретический аспект. На практике же среди китайских этнографов до сих пор имеет хождение взгляд, согласно которому описание представляет конечную цель этнографической науки³. Решительно выступая против этого, Чжоу Гуанда ссылается на слова С. П. Толстова: «Такое понимание сущности этнографических исследований представляет собой пережиток представлений, господствовавших в дореволюционной этнографии»⁴. Иная точка зрения была сформулирована Лю Боцзянем. «Этнос,— пишет этот исследователь,— представляет собой определенную систему, и изучать ее необходимо в целом, как таковую (примером подобного комплексного исследования может служить определение этнического состава населения). Но если иметь в виду лишь общую сущность явления, то окажется невозможным выяснить детали составляющих его компонентов, а это скажется на конкретности и глубине понимания явления в целом. Именно поэтому среди наук, изучающих этнос, выделяются теория этноса, этнолингвистика, этническая история, этногеография, этноэкономика, этноискусствоведение и т. д.; по мере их развития это деление может стать еще более дробным»⁵. На сходных позициях стоит и Лю Сяоюй, полагающий, что теория этноса — одна из марксистских наук, изучающих этнос; что же касается этнографии, то она, руководствуясь положениями теории этноса, изучает конкретные этнические общности⁶. Рассматривая теорию этноса как «самостоятельную науку, имеющую объективную основу своего существования и специфический предмет исследования»⁷, Ли Цзясю считает ее составной частью не этнографии, а научного социа-

¹ См. об этом Крюков М. В. Китайские ученые о предмете этнографической науки.— Сов. этнография, 1983, № 5.

² Чжоу Гуанда. Некоторые вопросы создания и развития марксистской этнографии, соответствующей условиям Китая.— Миньцзусюэ яньцзю (далее — МЯ), 1981, 1, с. 149. (на кит. яз. Далее при ссылках на работы китайских авторов, написанных на китайском языке, язык публикации специально не оговаривается).

³ Там же, с. 151.

⁴ Там же.

⁵ Лю Боцзянь. По поводу создания системы этнографической науки в Китае.— МЯ, 1, с. 54.

⁶ Лю Сяоюй. Коротко об определении и предмете этнографии.— МЯ, 1, с. 133—134.

⁷ Ли Цзясю. О предмете исследований в области теории этноса.— Миньцзусюэ яньцзю, 1982, № 4, с. 8.

лизма⁸. В свете такого подхода к пониманию соотношения между теорией этноса и этнографией странной выглядит позиция Ши Чжэнъи, критикующего советских этнографов за то, что они не включают теорию этноса в предметную область этнографии⁹. Подобное утверждение может объясниться лишь недостаточным знакомством с работами советских этнографов, уделявших в последние десятилетия особенно много внимания проблемам теории этноса.

Необходимо отметить, что исследования в данной области осложнены в Китае некоторыми специфическими трудностями, связанными с особенностями научной терминологии. Китайские ученые начинают сейчас особенно остро ощущать ту потребность в уточнении ранее установившихся значений этнографических терминов в силу их многозначности и введения дополнительной терминологии для вновь выявленных аспектов этнических понятий, на которую неоднократно указывал Ю. В. Бромлей¹⁰.

Как показывают исследования по этнической истории китайцев, еще в первых веках нашей эры в Китае употреблялось слово *миньцзу* в значении «этнос», «народ». Так, в исторических источниках до нас дошли отголоски споров о сущности различий между китайцами и «варварами», которые велись в V в. Один из участников диспута, Гу Хуань, утверждал: «Ныне китайцы — и мужчины и женщины — не изменили принадлежности к своему народу (*миньцзу* — М. К.), но бездумно следуют варварским обычаям»¹¹. Однако в качестве научного термина слово *миньцзу* вошло в современный китайский язык как заимствование из японского лишь в конце XIX — начале XX в. Один из первых случаев его употребления зафиксирован в дневнике путешествия в Японию китайского ученого У Жулуя в 1902 г.: автор использует его, характеризуя этнические особенности рюкюсцев и японцев¹². Производный от *миньцзу* термин *миньцзусюэ* («наука о миньцзу», т. е. этнография) получил распространение в Китае много позднее. Так, в 1903 г. Линь Шу и Вэй И предлагали называть данную область знания *миньчжунсюэ* («наука о расах народа»)¹³; в 1904 г. Цзян Чжию — *жэньчжунсюэ* («расоведение»)¹⁴; в 1916 г. Сунь Сюэ — *жэньлэйсюэ* («антропология»)¹⁵ и лишь в 1926 г. Цай Юаньпэй впервые ввел в научный оборот термин *миньцзусюэ* («этнография»), ставший затем общеупотребительным¹⁶.

Высказывалось мнение о том, что «в китайском языке нет и не было термина для обозначения этноса»¹⁷, но это утверждение верно лишь отчасти. Речь идет о том, что, как было убедительно показано еще в 1963 г. Линь Яохуа¹⁸, термин *миньцзу*, употреблявшийся для выражения понятия «этнос», является многозначным.

Многие китайские ученые считают, что данный термин употребляется в двух основных значениях. Первое из них — широкое, связано с обозначением любых этнических общностей, существовавших когда-либо в прошлом или существующих в настоящее время. Второе — узкое значение термина соответствует марксистскому понятию «нация» как особому типу этнических общностей, складывающемуся в эпоху капитализма¹⁹. Но кроме этого, термин *миньцзу* в современной китайской научной литературе имеет и еще одно значение, связанное с сочетанием *чжунхуа миньцзу* («китайская нация»). В данном случае речь идет не о собственно китайском этносе, а о совокупности всех народов Китая как некоего единства; отсюда формулировка о «всех народах, входящих в состав китайской нации»²⁰. В определенном смысле понятие *чжунхуа миньцзу* может быть истолковано в духе концепции «метаэтнических общностей», выдвинутой С. И. Бруком и Н. Н. Чебоксаровым. Однако ее авторы подчеркивают, что метаэтнические общности, представляя совокупность этносов, находятся в процессе перехода, изменения состояния²¹. Между тем вторая сторона данного определения отнюдь не свойственна *чжунхуа миньцзу*, которая рассматривается как общность, сложившаяся в далеком прошлом и существующая без каких-либо качественных изменений вплоть до настоящего времени. Поэтому в соответствующей глоссе энциклопедического словаря «Цыхай» прямо говорится о ее «почти четырехтысячелетней истории, запечатленной памятниками письменности», хотя и указывается, что «на протяжении более двух тысяч лет непрерывная интенсификация экономических связей и

⁸ Там же, с. 13.

⁹ Ши Чжэнъи. О некоторых вопросах развития этнографии в Китае. — МЯ, I, с. 174.

¹⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 7.

¹¹ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979, с. 272.

¹² Линь Яохуа. Вопрос об использовании и переводе термина *миньцзу*. — Лиши яньцзю, 1963, № 2, с. 175.

¹³ Линь Шу, Вэй И. Наука о расах народа. Пекин, 1903.

¹⁴ Цзян Чжию. Расоведение в Китае. Пекин, 1904.

¹⁵ Сунь Сюэ. Заметки об антропологии. — Кэсюэ, 1916, т. 2, № 4.

¹⁶ Цай Юаньпэй. Что такое этнография. — Избр. соч. Шанхай, 1959, с. 255.

¹⁷ Решетов А. М. Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке. — XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. II. М.: 1981, с. 165.

¹⁸ Линь Яохуа. Указ. раб., с. 171—190. Подробнее об этом см. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983, с. 10—11.

¹⁹ Тан Чжэнфан. Прежде всего о наименовании этнографии. — МЯ, I, с. 191.

²⁰ И Моуянь. Формирование и развитие этнических общностей в древнем Китае. — МЯ, 1981, III, с. 12.

²¹ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности. — Расы и народы, 6. М.: Наука, 1976, с. 17.

культурных контактов между всеми народами (входящими в ее состав.— М. К.) характеризовалась некоторыми различиями в уровне и продолжительности»²². Надо полагать, что не случайно среди всех рассмотренных Линь Яохуа значений термина *миньцзу* это последнее вообще не упоминается. Оно не получило до сих пор научного обоснования и употребляется преимущественно в общественно-публицистической, а не в этнографической литературе.

Нетрудно представить себе, сколь значительные трудности возникают в связи с этим в тех случаях, когда необходимо употребить термин *миньцзу* в том или ином специфическом значении. Линь Яохуа, например, почти при каждом упоминании этого термина ставит над ним цифру, указывающую на категорию смысла²³. Иначе поступают некоторые переводчики: употребив слово *миньцзу*, они приводят после него в скобках иноязычный эквивалент, что, по мнению Тан Чжэнфана, может в лучшем случае свидетельствовать лишь о бессилии передать мысль оригинала средствами родного языка²⁴. Поэтому он полагает, что предпочтительнее замена слова *миньцзу* в его широком значении («этнос») каким-либо новым термином, например *цзулэй* или *цзути* («этническая общность») ²⁵. Это предложение, насколько можно судить по имеющейся литературе вопроса, было поддержано некоторыми этнографами. Так, Лю Сяюй использует в своих работах термин *цзути*, противопоставляя его *миньцзу*²⁶. Однако в этой связи встает проблема изменения наименования этнографии²⁷. Трудно сказать, привется ли в будущем это нововведение. Пока что раздаются голоса, призывающие к сохранению за этнографией ее традиционного названия *миньцзусюэ*²⁸.

Центральное место в совокупности теоретических проблем, обсуждаемых в настоящее время китайскими этнографами, занимает определение понятия «этнос». Приходится констатировать, что все авторы, так или иначе затрагивающие эту тему, оперируют определением нации, сформулированным в свое время И. В. Сталиным и распространяемым ими теперь на этнические общности вообще²⁹. «Определение Сталина,— пишут, например, Фань Жунчунь, Ли Чжижэнь и Цзян Юнсин,— на высоком уровне абстракции обобщило все существенные особенности, которыми обладают этнические общности начиная с последнего этапа первобытности до эпохи социализма. Этот огромный вклад Сталина в теорию формирования этноса не может быть оспорен»³⁰. Хоу Шаочжуан и У Сыцин замечают при этом: «Хотя за рубежом (главным образом в СССР) неоднократно утверждалось, что это определение недостаточно совершенно или в известном смысле уже устарело, в действительности побудительными мотивами стремления заменить или дополнить его являются либо соображения политического характера, либо нечеткость теоретических посылок. Так или иначе, дело сводится в лучшем случае к бесплодным попыткам „подрисовать ноги змеи“, что отнюдь не может умалить научное значение этого определения»³¹.

Однако даже ряд конкретных соображений, высказываемых в связи с этой проблемой самими китайскими исследователями, совершенно недвусмысленно указывает на объективную необходимость существенной корректировки этого определения.

Ван Годун напоминает, что принадлежащее И. В. Сталину определение нации состоит по существу из двух частей: в первой сформулированы четыре признака этой исторической общности людей, во второй утверждается, что только наличие всех признаков, вместе взятых, дает нам нацию. Этот последний тезис, по мнению Ван Годуна, требует определенных комментариев, потому что «в реальной жизни объективно существуют нации, уже утратившие один или несколько своих признаков»³². Конкретным примером такого рода могут служить маньчжуры, некогда говорившие по-маньчжурски и имевшие компактную территорию проживания. После создания в 1644 г. империи Цинь маньчжуры расселились по всему Китаю и за 300 лет интенсивных контактов с китайцами в подавляющем большинстве утратили свой родной язык и единство территории. Почему же и сейчас маньчжуры по-прежнему представляют собой самостоятельную нацию? Причина этого, отвечает Ван Годун, заключается в необходимости учитывать не только современное состояние той или иной общности, но и ее историю. Некогда маньчжуры как этнос обладали всеми четырьмя указанными признаками, а сейчас по-прежнему сохраняют свои традиции, культуру и искусство, праздники и особенности психического склада; поэтому можно считать существование маньчжуров как самостоятельной нации объективной реальностью³³. Сказанное в сущ-

²² Цыхай. Шанхай, 1961, т. 6, с. 7.

²³ Линь Яохуа. Указ. раб., с. 189, 190.

²⁴ Тан Чжэнфан. Указ. раб., с. 191.

²⁵ Там же, с. 192.

²⁶ Лю Сяюй. Указ. раб., с. 127, 129, 130, 133 и др.

²⁷ Тан Чжэнфан. Указ. раб., с. 193.

²⁸ Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Особенности и задачи этнографии в Китае на современном этапе.— МЯ, I, с. 74; Хуан Шупин. Развивать этнографию в нашей стране — требование социалистического строительства.— МЯ, I, с. 86 и др.

²⁹ Лю Сяюй. Указ. раб., с. 130; У Цунчжун. О предмете, задачах и методе этнографии.— МЯ, I, с. 136; Чжан Яин. О соотношении этнографии и географии.— МЯ, I, с. 233—235; Я Ханьчжан. О понятии «этнос».— Миньцзу яньцзю, 1982, № 5, с. 1 и др.

³⁰ Фань Жунчунь, Ли Чжижэнь, Цзян Юнсин. О формировании и развитии этноса.— МЯ, III, с. 109.

³¹ Хоу Шаочжуан, У Сыцин. Как формируется этнос.— МЯ, III, с. 100.

³² Ван Годун. Несколько соображений о проблемах теории этноса.— Миньцзу яньцзю, 1983, № 4, с. 10.

³³ Там же.

ности отвергает тезис о том, что достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы «нация перестала быть нацией».

Еще дальше идет в этом направлении Сюн Сиюань. Он признает реальной не только ситуацию, когда некогда сформировавшаяся нация затем утрачивает некоторые свои признаки, продолжая оставаться нацией. По его мнению, «исторические факты свидетельствуют, что по тем или иным причинам у некоторых наций такие их особенности, как единая территория, язык или общность экономической жизни... с самого начала отсутствовали или не получили достаточного развития»³⁴.

Сюн Сиюань приходит к выводу, что признаков нации отнюдь не обязательно должно быть именно четыре. В частности, в практике национального строительства в Китае всегда уделялось большое внимание вопросу о нравах и обычаях народов. Поэтому, по мнению этого автора, «нравы и обычаи могут рассматриваться как один из признаков, составляющих нацию; таким образом, нация имеет пять основных признаков»³⁵. Итак, число «четыре» в системе признаков нации (шире — этнической общности вообще) не является раз навсегда данным, составляющим некую «закрытую систему».

Но дело не только в этом. Органическим недостатком сформулированного И. В. Сталиным определения нации является то, что все ее признаки (будь их четыре, пять или более) рассматриваются как однопорядковые и равнозначные, перечисляемые через запятую. Против этого фактически выступают Ма Сюэлян и Дай Цинся, полагающие, что место и роль отдельных признаков в их общей системе не идентичны. «Самым важным среди признаков нации» он считает язык: во-первых, язык способен относительно полно и глубоко воплощать особенности этноса, тогда как другие этнические признаки зачастую проявляются через посредство языка; во-вторых, язык отражает не только современные, но и исторические особенности этноса; в-третьих, язык является наиболее устойчивым среди всех признаков этноса; в-четвертых, язык является одним из признаков этноса и в то же время необходимым «инструментом» его развития. Таким образом, «язык занимает специфическое место среди всех этнических признаков»³⁶. Не будем здесь спорить по поводу того, действительно ли язык представляет собой главный признак этноса³⁷. В данной связи важнее высказанная здесь мысль об определенной иерархии признаков этноса.

Одним из важнейших достижений советских ученых в области изучения свойств этноса является вывод о том, что так называемые «этнические признаки» неравноценны как таксономически, так и функционально. «Если рассматривать этнические общности диалектически и стремиться выявить сущность данного явления общественной жизни,— отмечал В. Ф. Генинг,— то, очевидно, признаки, определяющие этническую общность, должны быть подразделены по своему происхождению и роли в этническом процессе»³⁸. К одной группе признаков должны быть причислены «те объективные факторы, которые обуславливают само зарождение этнических отношений», к другой — признаки, «возникающие в процессе развития этнических отношений и формирования этнических общностей»³⁹. Другими словами, необходимо различать этнообразующие факторы, представляющие собой условия формирования этноса, и этнические признаки в узком смысле, отражающие реальные различия между отдельными этническими общностями и выделяющие каждую из них среди других общностей того же рода.

К числу этнообразующих факторов следует отнести прежде всего единство территории. Для того чтобы у группы людей появились какие-то специфические черты их общности, они должны систематически общаться друг с другом, а это возможно лишь при условии их компактного расселения⁴⁰. Поэтому любая из этнических общностей человечества «уникальна»: нет и не может быть примеров того, когда бы один и тот же этнос возник в разных частях ойкумены. Точно так же к числу этнообразующих факторов относятся экономические связи внутри формирующейся этнической общности, хотя ни территориальные, ни экономические отношения сами по себе не являются этническими категориями.

В результате действия этнообразующих факторов, в процессе формирования конкретной этнической общности начинают складываться собственно этнические признаки, имеющие этническое содержание и отличающие данный этнос от других ему подобных. Поэтому важная особенность этнических общностей состоит в их взаимном различении⁴¹. При этом все основные отличительные особенности этносов сосредоточены в сфере культуры⁴².

Идея противопоставления этнообразующих факторов и этнических признаков не была сформулирована китайскими этнографами. Однако фактически многие из них, продолжая формально следовать традиционному четырехчастному определению эт-

³⁴ Сюн Сиюань. Коротко о единстве психического склада нации.— Миньцзу яньцзю, 1983, № 4, с. 6.

³⁵ Сюн Сиюань. Следует ли включать нравы и обычаи в число признаков нации? — Миньцзу яньцзю, 1983, № 1, с. 44.

³⁶ Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос.— Миньцзу яньцзю, 1983, № 1, с. 7—9.

³⁷ Об этом см. Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 55—56.

³⁸ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 23.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 57.

⁴¹ Там же, с. 49.

⁴² Там же, с. 54.

носа, вплотную подошли к признанию того факта, что «условия формирования этноса» и «этнические признаки» относятся к различным таксономическим уровням. Так Я Ханьчжан обращает внимание на условия, необходимые для возникновения этнической общности, но утрачивающие свое значение после того, как этнос сформировался⁴³, тогда как Ян Хэшу и Лю Сяюй обсуждают вопрос о специфических признаках, позволяющих отличать один этнос от других⁴⁴.

Однако анализ структуры характеристик этноса не сводится к разграничению этнообразующих факторов и этнических признаков. Среди последних особое место занимает этническое самосознание, возникающее в результате действия основных дифференцирующих особенностей этнической общности. Как совершенно правильно указывал Н. Н. Чебоксаров, «взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности»⁴⁵. Таким образом, если этнические признаки в узком смысле вторичны по отношению к этнообразующим факторам⁴⁶, то этническое самосознание является производным от этих признаков, составляющих в своей совокупности особое, неповторимое лицо каждого этноса. Этническое самосознание, выражающееся в осознании своего единства представителями данной этнической общности, формируется как отражение всех основных признаков этноса, хотя отражение это никогда не бывает вполне адекватным и всегда имеет условно-избирательный характер⁴⁷.

Такое понимание сущности и роли этнического самосознания, еще недавно встречавшее возражения, сейчас прочно вошло в советскую этнографическую науку. Весьма симптоматично, что значение этнического самосознания имплицитно признается некоторыми китайскими исследователями. Лю Боцзянь особо указывает на «самоидентифицирующую» роль психических черт этноса⁴⁸, а Фэй Сяотун видит в общности психического склада «признание людьми данного народа такого факта, что все они принадлежат к одной общности»⁴⁹. По мнению Фэй Сяотуна, представители той или иной этнической общности «всегда склонны подчеркивать некоторые особенности нравов, обычаев и образа жизни, отличающие их от других этносов, и, придавая им ярко выраженную эмоциональную окраску, возвышать их до уровня символа данного этноса»⁵⁰. Нетрудно видеть, что здесь дана, по существу, сжатая, но достаточно полная характеристика сущности этнического самосознания, и поэтому прав Сюн Сиюань, обративший внимание на то, что формулировка Фэй Сяотуна «аналогична или сходна с понятием этнического самосознания, о котором говорят некоторые советские этнографы»⁵¹.

К сожалению, сам Сюн Сиюань недостаточно четко противопоставляет этническое самосознание как осознание этносом своего единства и «национальный характер», рассматривая их в качестве отдельных аспектов общности психологического склада этноса. Вместе с тем он совершенно правильно отмечает их особое место среди других этнических признаков. «После того как формирование этнической общности завершилось,— пишет он,— в процессе существования и развития этноса его признаки оказываются неравнозначными по своей важности и роли. Углубленное исследование показывает, что такой признак, как общность психического склада, является не только важным внешним проявлением различий между отдельными этносами, но также самым активным и самым устойчивым среди всех признаков этноса, играющим в существовании, развитии и функционировании этноса чрезвычайно важную роль»⁵².

Автор имеет здесь в виду, разумеется, не такие аспекты общности психического склада, как пресловутая флегматичность финнов и экспансивность итальянцев, а именно этническое самосознание, которое возникает в результате осознания этносом объективных особенностей своей культуры и языка, но в отличие от этих этнических признаков само по себе активно влияет на самосохранение и консолидацию этноса. Как справедливо отмечает Сюн Сиюань, этническое самосознание оказывается в процессе трансформации этноса самым устойчивым среди всех других признаков и поэтому «исчезновение его происходит в момент, когда дни этноса уже сочтены»⁵³.

Важнейшим внешним проявлением этнического самосознания советские этнографы считают этническое самоназвание. Поэтому обращение китайских ученых к углубленному исследованию проблем этнонимии также представляет для нас несомненный ин-

⁴³ Я Ханьчжан. Указ. раб., с. 1.

⁴⁴ Ян Хэшу. О месте исследований социально-экономических формаций в марксистской этнографии.— МЯ, I, с. 102; Лю Сяюй. Указ. раб., с. 130.

⁴⁵ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— Сов. этнография, 1967, № 4, с. 99.

⁴⁶ Генинг В. Ф. Указ. раб., с. 23.

⁴⁷ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— Расы и народы, 6, 1976, с. 58; Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 181—182.

⁴⁸ Лю Боцзянь. Указ. раб., с. 60—61.

⁴⁹ Фэй Сяотун. Об идентификации этнических общностей.— Чжунго шэхой кюсюэ, 1980, № 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Сюн Сиюань. Коротко о единстве психического склада нации, с. 2.

⁵² Там же, с. 5—6.

⁵³ Там же, с. 7.

терес⁵⁴. Наряду с конкретными вопросами происхождения тех или иных этнонимов⁵⁵ за последние годы в китайской научной печати стали появляться работы, посвященные теоретическим аспектам этнонимии⁵⁶.

Большое внимание уделяют сейчас китайские этнографы проблеме исторических типов этнических общностей. Обсуждая ее, некоторые авторы говорят о роде, племени, народности и нации⁵⁷, как это иногда имело место раньше и в советской литературе⁵⁸. Между тем Ю. В. Бромлей было показано, что интегрирующий механизм этноса связан с функционированием эндогамии — преимущественного заключения браков внутри своей общности, тогда как непременным признаком рода является экзогамия, в силу чего род в известном смысле представляет собой «антиэтнос»⁵⁹.

Длительную историю имеет в Китае дискуссия о понятии «нация». Еще в 1957 г. видный китайский историк Фань Вэньлань выдвинул концепцию, согласно которой этническая общность древних китайцев начиная с последних веков до нашей эры не может рассматриваться ни как народность эпохи государственной раздробленности, ни как буржуазная нация эпохи капитализма; она была нацией особого типа, возникшей в особых исторических условиях⁶⁰. В обсуждении этой проблемы, начавшемся вскоре после публикации книги Фань Вэньлани, большинство участников высказалось против теории «нации особого типа». Отмечалось, что в марксистской теории понятие «нация» связывается исключительно с эпохой капитализма, а также с последующей историей человеческого общества⁶¹. Гипотеза Фань Вэньлани вновь привлекла к себе внимание около четверти века спустя; но теперь она оценивается во многом иначе.

Некоторые китайские ученые полагают в настоящее время, что К. Маркс и Ф. Энгельс, с одной стороны, и В. И. Ленин — с другой, вкладывали различное содержание в понятие «нация»⁶²: если, согласно ленинскому определению, нации суть неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития⁶³, то основоположники марксизма считали нацию результатом трансформации племени⁶⁴. В то же время другие китайские ученые обращают внимание на употребление В. И. Лениным термина «современные нации»⁶⁵. По их мнению, различие в понимании «нации» у Маркса и Ленина мнимо, ибо речь в первом случае идет о «древних нациях», во втором — о «современных»⁶⁶. Это означает, что Ленин, подобно Марксу, не отрицал первоначального формирования древних наций в процессе разложения племенной организации⁶⁷.

Противопоставляя понятия «племя» и «нация», сторонники этой точки зрения предлагают различать четыре типа наций: 1) первобытные нации, складывающиеся на последнем этапе доклассового общества; 2) древние нации, соответствующие эпохам рабства и феодализма; 3) нации нового времени, которые возникают по мере развития капиталистических отношений; 4) современные, или социалистические, нации⁶⁸. В этой связи нельзя не отметить, что исторические типы этноса — явление стадийно-типологическое, а понятия «древний», «современный» связаны с выделением периодов истории, исчисляемых в относительно-хронологических величинах. Поэтому в силу неравномерности этнического развития человечества в современном мире могут в принципе существовать «первобытные», а там более «древние» народы. Таким образом, например, ицзу, сохранявших до середины XX в. пережитки рабовладельческих отношений, мы должны будем характеризовать как «современную древнюю нацию», что терминологически вряд ли может быть признано удачным.

Представление о том, что племя и нация — общности людей, исторически сменяющие одна другую⁶⁹, логически связано с отрицанием народности как определен-

⁵⁴ Отмечу попутно оживление в Китае исследовательской работы в области изучения других разделов ономастики, в частности антропонимии (см., например: *Фань Юймэй*. Личные имена у национальных меньшинств Китая. — Миньцзу яньцзю, 1981, № 5, с. 63—75; *Сюй Гуйчжэнь*. Фамилии и имена у цзинпо. — Там же, с. 80; *Ли Кэю*. Предварительное исследование фамильных имен у народности ту. — Там же, 1982, № 6, с. 71—74; *Ли Цинхуа*. Коротко о маньчжурских фамилиях. — Там же, 1983, № 1, с. 64—71, и др.).

⁵⁵ *Чэнь Вэйган*. Исследование об этнониме дун. — Миньцзу яньцзю, 1981, № 5, с. 49; *Чжан Шоуци*. О происхождении этнонима дун. — Там же, 1982, № 3, с. 56—59, и др.

⁵⁶ *Вэнь Ю*. Этнонимические этюды. — Чжунъян миньцзусюэнь сюэбао, 1981, № 3, с. 56; *Цзи Пэйхуа*. Об этнонимах. — МЯ, III, с. 1—7, и др.

⁵⁷ *Тан Чжэнфан*. Указ. раб., с. 192; *Ши Чжэнги*. Указ. раб., с. 169, и др.

⁵⁸ *Алексеев В. В.* Род, племя, народность, нация (Исторические формы общности людей). М.: 1962.

⁵⁹ *Бромлей Ю. В.* Указ. раб., с. 129.

⁶⁰ *Фань Вэньлань*. Причины того, что начиная с эпохи Цинь — Хань Китай стал централизованным государством. — Сб. статей по проблемам формирования китайской нации. Пекин, 1957. См. об этом также *Решетов А. М.* Указ. раб., с. 163.

⁶¹ Подробнее см. *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб., с. 9—10.

⁶² *Ван Годун*. Указ. раб., с. 8.

⁶³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. М., 1981, т. 3, с. 292.

⁶⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

⁶⁶ *Ван Годун*. Указ. раб., с. 9.

⁶⁷ *Хоу Шаочжуан, У Сыцин*. Указ. раб., с. 99.

⁶⁸ *Фань Жунчунь, Ли Чжисжэнь, Цзян Юнсин*. Указ. раб., с. 113—115.

⁶⁹ *Чэнь Гоцян*. О предмете этнографических исследований. — МЯ, I, с. 79.

ного исторического типа этнических общностей. Действительно, хотя термин *Völkerschaft* (народность) употреблялся классиками марксизма, он отнюдь не рассматривался ими в контексте типологии этносов. В сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса нет понятия, адекватного «народности» как особого исторического типа этнической общности занимающего промежуточное положение между племенем и нацией⁷⁰. Не находим мы каких-либо указаний на выделение «народности» как типа этнических общностей и в трудах В. И. Ленина, который нередко пользовался терминами «народ», «народность», «национальность» как синонимами «нации». Не случайно советские исследователи 20—30-х годов писали лишь о двух исторических типах этноса — «племен» и «нации». Быть может, — отмечал в 1932 г. С. Н. Быковский, — детальное изучение этого вопроса откроет и новую форму объединения, не являющуюся ни племенем, ни нацией. Название этой предполагаемой формы отсутствует⁷¹. Лишь с начала 50-х годов в советской исторической науке получает распространение триада «племя — народность — нация». Несмотря на то что в эти годы были предприняты многочисленные попытки на материале этнической истории конкретных народов доказать реальность «народности» как донациональной формы общности людей, теоретически это понятие продолжает оставаться недостаточно обоснованным. Это обстоятельство справедливо отмечается сейчас китайскими исследователями⁷².

Внимания в этом отношении заслуживает высказываемый многими участниками дискуссии тезис о том, что в социалистическом обществе все этносы, вне зависимости от уровня их развития, достигнутого в предшествующий период, должны рассматриваться как нации. Одним из первых этот вопрос был поднят Линь Яохуа два десятка лет тому назад. Он отмечал, что традиционное употребление в Китае термина *миньцзу* по отношению ко всем без исключения народам этой страны объективно могло благоприятствовать осуществлению принципа равенства этносов, совместно осуществлявших демократические преобразования, а затем вступивших на путь строительства социализма⁷³. Развивая эту мысль, Ван Годун отмечает, что в дореволюционном Китае существовало немало народов, находившихся на стадии рабовладельческого и феодального общества или сохранявших даже значительные пережитки первобытнообщинных отношений. Однако после преобразований, осуществленных в ходе социалистического строительства, различия в уровне социально-экономического развития этих народов были преодолены. Национальная политика и этнографическая теория в социалистических странах имеют общее единое основание⁷⁴. Действительно, в теории этноса типологические различия нации и народности, существующих в социалистическом обществе, до сих пор не получили удовлетворительного обоснования.

Говоря о задачах этнографии, большинство современных китайских ученых определяют их как выявление закономерностей возникновения, развития и исчезновения этнических общностей. Именно эти проблемы интенсивно разрабатываются и в советской этнографической науке. Однако в толковании самого предмета исследований между советскими и китайскими этнографами существуют определенные расхождения. Понятие «этническая история» обычно ассоциируется у нас с процессами исторических изменений этнических общностей, или этническими процессами. В китайской литературе этническая история рассматривается чаще всего как социально-экономическая история народа⁷⁵, поэтому проблематика, связанная с закономерностями собственно этнических процессов в истории человечества, в современной китайской этнографии оказывается разработанной несравненно слабее, чем другие разделы теории этноса.

В основе китайской научной терминологии, используемой для анализа процессов трансформации этнической сущности народов мира, лежат два фундаментальных понятия: *тунхуа* — ассимиляция (от *тун* — «идентичный, одинаковый, общий; совпадать»⁷⁶) и *фэньхуа* — диссимилиация (от *фэнь* — «делить, различать; выделившийся»)⁷⁷. Гораздо менее четким и однозначным является термин *жунхэ* (от первоначального «сплавлять, амальгамировать, смешивать, сливаться»)⁷⁸. Среди китайских ученых обрисовалось два различных подхода к употреблению этого термина. Согласно одной точке зрения, этническое слияние представляет собой процесс естественной ассимиляции, свойственный человечеству на всем протяжении его истории; сторонники второй точки зрения были склонны понимать под ассимиляцией утрату той или иной этнической общности ее особенностей и переход в другую общность, тогда как слияние наций означает полное уничтожение национальных различий в будущем коммунисти-

⁷⁰ Козлов В. И. О разработке теоретических основ национального вопроса. — Народы Азии и Африки, 1967, № 4, с. 80.

⁷¹ Быковский С. Н. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма. — Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, с. 14.

⁷² Чэнь Цисинь. О предмете, содержании, методе и задачах этнографии. — МЯ, I, с. 111; Хоу Шаочжуан, У Сыцин. Указ. раб., с. 98—100, и др.

⁷³ Линь Яохуа. Указ. раб., с. 190.

⁷⁴ Ван Годун. Указ. раб., с. 10—11.

⁷⁵ В этом отношении особенно характерно содержание опубликованных томов серии исследований по этнической истории народов Китая (Краткая история хуэй. Иньчуань, 1978; Краткая история маньчжуров. Пекин, 1979; Краткая история чжуан. Наньнин, 1980; Краткая история шэ. Фучжоу, 1980, и др.).

⁷⁶ Китайско-русский словарь/Под ред. проф. Ошанина И. М. М.: 1952, с. 373, № 3778.

⁷⁷ Там же, с. 412, № 4191.

⁷⁸ Там же, с. 841 № 8704.

ческом обществе⁷⁹. В 60-х годах господствующей стала вторая точка зрения, и это нашло отражение в соответствующих глоссах энциклопедического словаря «Цыхай»⁸⁰. Однако в статье «Миньцзу», написанной для подготавливаемой сейчас к изданию «Большой китайской энциклопедии», Я Ханьчжан считает возможным говорить об «этническом слиянии» как синониме естественной ассимиляции в истории человечества, проводя при этом различие между этим понятием и «слиянием наций» в том смысле, в каком его употребляли классики марксизма⁸¹. Использование этого термина для характеристики этнотрансформационных процессов в историческом прошлом современных народов получило сейчас широкое распространение в китайской этнографической и исторической литературе.

В плане типологического исследования ассимилятивных и диссимилятивных этнических процессов вполне правомерна попытка рассмотреть механизм их действия в «чистом виде». Примером исследования такого рода может служить работа Ю. Чжуня, проследившего процесс разделения этнической общности ляо (лао)⁸² в VII—XII вв. Расселяясь с территории своего первоначального обитания, ляо оказывались в неоднородной экологической среде, что и привело к разделению их общности на несколько самостоятельных этносов — чжуан, буи, гэлао, шуй, дун⁸³. В реальной исторической действительности диссимиляция этнической общности ляо, несомненно, была сопряжена также с процессами ассимилятивного характера. Наиболее наглядно это прослеживается на примере формирования народа гэлао: обнаруживая близость к чжуан и буи в области грамматики, язык гэлао фонетически и лексически содержит черты сходства с мяо⁸⁴ (последнее обстоятельство служило даже основанием для отнесения гэлао к пародам группы мяо-яо)⁸⁵, что может быть объяснено лишь этническим смешением гэлао с какими-то группами мяо. Тезис о том, что диссимилятивные процессы в большинстве случаев тесно связаны с ассимиляцией отделяющимися частями некогда единого этноса инородных компонентов, был сформулирован И Моуюанем, проанализировавшим закономерности сложения и развития древнекитайской этнической общности⁸⁶. Это положение непосредственно перекликается с выводом Ю. В. Бромлея о том, что процессы этнического разделения редко выступают в «чистом» виде и чаще всего сочетаются с процессами миксации⁸⁷.

Замечу, впрочем, что, поскольку соответствующая терминология разработана сейчас в советской этнографической науке несравненно более детально, китайские ученые фактически не проводят различия между ассимиляцией (исчезновением одного из взаимодействующих этносов) и миксацией (возникновением нового этноса)⁸⁸, а также между этнической парциацией (делением прежде единого этноса на более или менее равные части, ни одна из которых не отождествляет себя полностью со старым этносом) и этнической сепарацией (отделением от этноса его части, которая со временем превращается в самостоятельный этнос)⁸⁹. Однако отмечу одновременно, что по мере разрывания китайскими этнографами углубленных исследований в области закономерностей исторической трансформации этнических общностей их понятийно-терминологический аппарат совершенствуется. Проявлением этого является, в частности, использование И Моуюанем понятий этнической дивергенции и конвергенции⁹⁰ и пр.

Анализ этнографических публикаций, появившихся в Китае за последние несколько лет, показывает, сколь широк и разнообразен круг теоретических проблем, обсуждаемых сейчас китайскими этнографами. Их внимание привлекают и прикладные аспекты этнографической науки⁹¹, но это уже тема для специального обзора.

⁷⁹ Чжан Лу. К вопросу о различии понятий этнической ассимиляции и этнического слияния. — Синь цзяньшэ, 1962, № 6, с. 37.

⁸⁰ Цыхай, т. 6, с. 2.

⁸¹ Я Ханьчжан. Указ. раб., с. 3.

⁸² Подробнее об этом народе см. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков, с. 74, 84.

⁸³ Ю Чжуня. Ляо в эпоху Тан — Сун. — Миньцзу яньцзю, 1983, № 4, с. 12—21.

⁸⁴ Хэ Цзяшань. Место языка гэлао в лингвистической классификации. — Миньцзу юйвэнь, 1982, № 5, с. 43—49.

⁸⁵ Народы Восточной Азии. М., 1965, с. 480.

⁸⁶ И Моуюань. Указ. раб., с. 8—12.

⁸⁷ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 308.

⁸⁸ Там же, с. 240.

⁸⁹ Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. Основные проблемы: Автореф. дис. М.: 1976, с. 21; Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 235—236.

⁹⁰ И. Моуюань. Указ. раб., с. 8—14.

⁹¹ Они явились главным предметом обсуждения на проходившей в г. Синине в сентябре 1982 г. II Всекитайской этнографической конференции, а также нашли свое отражение в докладе «Этнография и модернизация современного Китая», представленном на XI МКАЭН (Квебек—Ванкувер, август 1983 г.) президентом Китайского этнографического общества проф. Цю Пу.